

**КОНВЕНЦИЯ ООН
О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ГЕНОЦИДА
И НАКАЗАНИИ
ЗА НЕГО 1948 ГОДА:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
РАЗРАБОТКИ И
ПРИНЯТИЯ В РАМКАХ
ОРГАНОВ ВСЕМИРНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ**

Устав ООН, как и Устав Токийского трибунала, документы ООН, принятые в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы с активным участием СССР, дали толчок созданию разветвленной системы международно-правовых договоров, призванных противодействовать новым агрессивным войнам, уничтожению населения и природы, а также другим международным преступлениям, в частности таким, как геноцид.

Первое официальное упоминание термина «геноцид» имело место после окончания Второй мировой войны и связано оно с деятельностью первого в истории послевоенного Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, предложенного СССР еще 2 ноября 1942 г. в Указе Президента Верховного Совета и учрежденного в соответствии с Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, принятой на Московской конференции 30 октября 1943 г. и подписанной в Лондоне Соглашением, заключенным 8 августа 1945 г. между Правительствами СССР, США, Великобритании и временным Правительством Французской Республики для отправления справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси». Соглашением предусматривалось принятие соответствующего Устава с тем, чтобы на основе норм, закрепленных в его рамках, привлечь к международной уголовной ответственности граждан европейских стран «оси» и прежде всего главных руководителей нацистской Германии за систематические совершенные преступные действия, направленные на уничтожение группы мирного населения [1].

Согласно Принципам Устава Трибунала так называемые «Принципы Нюрнбергского Трибунала», являющихся неотъемлемой частью Соглашения от 8 августа 1945 г., 24 фашистским руководителям-подсудимым «было предъявлено обвинение в истреблении, порабощении, ссылках и других жестокостях, совершенных в отношении гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам, т.е. в преступлениях против человечности» [2]. В период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Трибунал фактически рассмотрел 22 дела, связанные с уголовно наказуемыми международными преступлениями а также с заговорами с целью совершения этих общественно опасных деяний!

Одним из первых правовых способов противодействия геноциду во всех его видах и формах, несомненно, стало принятие Устава ООН, вступившего в юридическую силу 24 октября 1945 г., который юридически закрепил создание механизма нового мирового порядка после окончания Второй мировой войны. Не употребляя термин «геноцид», учредительный акт всемирной организации тем не менее в ст. 1 говорит «об уважении к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии...» [3, с. 12].

В последующем в ст. 13, 55 и 76 также содержатся рекомендации (призывы) ООН в целях осуществления неотъемлемых прав и свобод без каких-либо проявлений дискриминации.

Однако геноцид как преступление впервые был определен в международном праве в другом документе ООН – в Резолюции 96 (I) Генеральной Ассамблеи о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой на второй части I сессии одного из шести главных органов организации 11 декабря 1946 г. В резолюции государства-члены подтвердили, что принципы, изложенные в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге и нашедшие выражение в его приговоре, являются «принципами международного права» [4].

В ней говорилось, что «геноцид это отрицание права на жизнь целых групп людей, так же, как убийство – отрицание права на жизнь отдельной личности; это отрицание права на жизнь потрясает человеческое сознание, ведет к огромным потерям человечества в целом, потерям вклада этих групп в культуру и другие сферы, оно противоречит моральным нормам, духу и целям Организации Объединенных Наций» [5, с. 140]. «Борьба против него представляет собой вопрос международного значения» [6, с. 266]. Поэтому Генеральная Ассамблея подтвердила, что «геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию независимо от того, являются ли они частными лицами, государственными должностными лицами или государственными деятелями, и независимо от того, совершено ли преступление по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам» [7]. Кроме того, в резолюции государствам-членам ООН предлагалось принять необходимые законодательные меры в целях предупреждения и наказания преступлений геноцида, и в частности,

«ввести необходимые изложения в национальные законодательства». Многие авторы, исследовавшие природу геноцида, и в их числе И.И. Карпец отмечают, что, по существу, именно с определения преступности и наказуемости этого деяния в международном акте начался процесс формирования международного уголовного права как юридического феномена мировой культуры [8, с. 33].

Вместе с тем нельзя не признать, что рассматриваемая резолюция является актом органа ООН, имеющим рекомендательный характер, и, следовательно, как подчеркивал А.Н. Трайнин, «представляла собой общую декларацию необходимости борьбы с геноцидом». Наверняка исходя из этого обстоятельства Генеральная Ассамблея одновременно в этой резолюции поручила Экономическому и Социальному Совету (ЭКОСОС) ООН приступить к разработке проекта специальной универсальной Конвенции по вопросу о преступлениях геноцида и представить его на обсуждение в рамках очередной сессии. Спустя почти год, 21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея подтвердила собственную Резолюцию от 11 декабря 1946 г. и приняла другую (180 (II)), в которой «предложила ЭКОСОС ускорить процесс составления текста конвенции по борьбе с геноцидом» [9, с. 160], при этом еще раз подчеркнув, что ответственность за геноцид как за международное преступление несут как государства, так и отдельные лица, но в то же время принимая во внимание проект конвенции по вопросу о преступлении геноцида, составленного Секретариатом и представленного Генеральным секретарем [10].

Наконец, 5 апреля 1948 г. в Нью-Йорке начал работу специально образованный Комитет по разработке международной Конвенции ООН по борьбе с геноцидом, которому был вручен вышеназванный проект конвенции, подготовленный под руководством Генерального секретаря организации. Участниками и экспертами в ходе составления данного первого проекта были известные юристы: ставший американским гражданином Рафаэль Лемке (Лемкин), специалист из Румынии Веспасиан Пелла и француз Доннедь де Вабр. Они немного расширили понятие объекта геноцида, включив в него, за исключением расовых и национальных, и «политические группы».

Своеобразная ситуация сложилась в ходе рассмотрения советского предложения о необходимости криминализировать наряду с физическим и биологическим формами геноцида и

национально-культурную. Если дефиниция физического геноцида не вызвала особых разногласий (он в целом означает «истребление представителей расовых, религиозных, национальных и этнических групп населения») [11, с. 28], а в частности – «преднамеренное осуществление мер, делающих неизбежной гибель людей в силу тех или иных обстоятельств (запрет занятия деятельностью, являющейся основным источником существования группы людей, заражение природной среды обитания радиоактивными веществами, биологическими или химическими токсинами и т.д.)», как и биологического (это насильственное воспрепятствование деторождению, которое «может быть выражено в принятии мер, способных ограничить или полностью прекратить процесс рождения детей среди членов национальной, этнической, расовой или религиозной группы (например, принудительная кастрация или стерилизация людей в репродуктивном возрасте, проведение против воли женщины искусственного прерывания беременности, издание нормативных актов, запрещающих членам указанных групп иметь детей или ограничивающих количество детей в их семьях под угрозой применения наказания, и др.)»; принудительная передача детей, которая может проявляться в «отобрании (помимо воли родителей) детей и передаче их другим лицам, не являющимся родственниками передаваемого, или в детские учреждения», насильственное переселение вышеуказанных групп, которое «представляет собой их принудительное (против воли переселяемых) перемещение из мест постоянного проживания как в пределах государства, так и за границу, перемещение их в другие, непривычные для них климатические и иные природные условия, которые ведут к вымиранию людей соответствующей группы»), то в отношении национально-культурного геноцида советский делегат заявил, «что в понятие геноцида должны быть включены также мероприятия и действия, направленные против национальной культуры, так называемый национально-культурный геноцид, с тем чтобы определение конкретных признаков этого геноцида было дано при постатейном редактировании проекта конвенции» [12, с. 418, 419]. Такими мероприятиями и действиями, которые были поддержаны представителями Венесуэлы, Китая, Польши, Франции, Ливана и Пакистана, по мнению советской стороны могли бы быть:

«а) запрещение или ограничение пользования национальным языком как в общественной,

так и в частной жизни; запрещение преподавания в школах на национальных языках;

б) уничтожение или запрещение печатания и распространения книг и иных печатных изданий на национальных языках;

с) уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников и предметов национальной культуры (или религиозного культа)».

Противниками включения в конвенцию предложенных новой формы геноцида и связанных с ними актов выступили США, уполномоченное лицо которых хотя согласился с тем, что «трудно отвечать на красноречивые аргументы представителей СССР, Венесуэлы и Пакистана», а также других поддержавших советскую инициативу государств по национально-культурному геноциду, «тем не менее, он не думает, что Конвенцию следует расширять в этом направлении». По утверждению американского делегата Д. Гросса «Резолюция 96/1/ГА определила геноцид как полное истребление человеческих групп, в отличие от человекоубийств, являющихся истреблением индивидов», и «каким бы варварским и непросительным ни было разрушение церкви, библиотеки, школы – эти действия принадлежат к другой категории». Это, как он заключил, «проблема, относящаяся к основным правам человека». Дополнительно к советскому предложению представитель Венесуэлы «внес поправку о наказуемости систематического разрушения религиозных зданий, школ или библиотек национальных или расовых групп». Однако, как пишет Е.Д. Панкратова, «вследствие неопределенности текста эта поправка не могла быть признана удовлетворительной, поскольку в данном случае оставалось не понятным, сколько зданий необходимо разрушить, чтобы такие действия можно было признать систематическими и квалифицировать как геноцид».

Комитетом, кроме того, не были одобрены и три последующие основные положения советской делегации. Так, им был отклонен «положение о роспуске организации, цель которых – разжигание расовой, национальной и религиозной вражды и совершение преступлений геноцида», «ввиду органической связи фашизма и геноцида». Это положение было поддержано делегатами Белорусской ССР и Украинской ССР, которые наряду с СССР являлись членами ООН, а также представителями Польши и Чехословакии. Тем самым СССР хотел доказать, что преступления геноцида неразрывно связаны с идеологией и последствиями возведения в ранг государствен-

ной политики национал-социализма-фашизмом, нацизмом и расистскими учениями. По этому поводу, в частности, представитель СССР Г.И. Морозов на заседании III сессии Генеральной Ассамблеи ООН, рассмотревшем проект конвенции по борьбе с геноцидом 9 декабря 1948 г. официально заявил: «сказать, что геноцид не имеет ничего общего с расизмом, значит в общем его реабилитировать» [13, р. 813].

Комитету показалось недостаточно ясным и твердым следующее советское предложение о введении в национальное законодательство уголовного наказания за геноцид. В результате была принята поддержанная большинством голосов американская редакция ст. 6, которая гласит: «Для введения в силу положений настоящей конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются провести необходимое законодательство в соответствии с их конституционной процедурой». Первоначально советское предложение носило следующее содержание: «Высокие договаривающиеся Стороны обязуются внести в свое уголовное законодательство меры, направленные на предупреждение и пресечение геноцида, а также на предупреждение и пресечение расовой, национальной и религиозной вражды, как это определено в настоящей Конвенции, и предусмотреть за совершение этих преступлений меры уголовного наказания, если таковые не предусмотрены действующими кодексами государства». На это представитель США, в частности, заявил, что «во введении этого положения нет необходимости, поскольку государства-участники Конвенции в любом случае обязаны сделать все для того, чтобы она добросовестно выполнялась». Кроме того, им делалась ссылка на то, что действия, входящие в состав геноцида, и так караются уголовными законами различных стран: например, убийство, предусмотренное Конвенцией о геноциде, карается уголовными кодексами всех стран». Также представителем США «было указано на то, что Соединенные Штаты являются федеративным государством, а принятие уголовных кодексов входит в компетенцию законодательных собраний штатов, следовательно, США не могут принять на себя обязательство по введению в эти кодексы норм об ответственности за геноцид».

Е.Д. Панкратова полагает, что «однако аргументы и той, и другой стороны представляются весьма неубедительными». Хотя предложение советской делегации об обязанности введения в национальное законодательство стран-участниц Конвенции норм, предусматривающих от-

ветственность за геноцид, в целом представляется... правильным», тем не менее «представитель СССР ссылаясь на то, что законодательство Советского Союза и так соответствует Конвенции, поскольку Конституция СССР устанавливает равноправие граждан, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни», а, к примеру, «УК РСФСР предусматривает ответственность за пропаганду или агитацию, направленные на возбуждение национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение или изготовление и хранение литературы того же характера». При этом, подчеркивает автор, «как известно, статья, предусматривающая ответственность непосредственно за геноцид, появилась в России только с принятием УК РФ в 1996 г.», т.е. лишь в связи с прекращением существования СССР при новых политических и правовых условиях, направленных на демократизацию страны.

Относительно позиции США исследователь выдвигает два важных вывода. «Во-первых, учитывая справедливость ссылки на то, уголовное законодательство США относится к компетенции штатов, нельзя упускать из вида, что во время разработки Конвенции в США велась работа по созданию свода законов США, который, как и Конвенция, был принят в 1948 г.», и «частью этого свода является раздел XVIII «Преступления и уголовный процесс», являющийся *de facto* общеамериканским уголовным кодексом».

Особенно следует отметить, что в него «входят нормы, предусматривающие ответственность за отдельные составы преступлений», соответственно «нормы федерального уголовного законодательства США, помимо прочих случаев применяются, когда совершено преступление, затрагивающее интересы нескольких штатов или федерации в целом». На взгляд исследователя, «деяния, образующие состав геноцида, вполне можно отнести к затрагивающим интересы всей федерации, а значит у США была возможность введения норм об ответственности за данное преступление в случае необходимости эффективного применения таких норм». Во-вторых, указывает исследователь, «несмотря на то, что действительно в уголовном законодательстве всех государств предусмотрена ответственность за убийство, геноцид от подобных ему деяний отличает особая цель – намерение полностью или частично уничтожить расовую, национальную, этническую или религиозную группу».

В итоге «противостояние» закончилось принятием выше сформулированной в рамках ст. 6 Конвенции компромиссной нормы, т.е. «с одной стороны, была введена обязанность предусмотреть эффективные меры наказания за геноцид (правда, не указывалась обязанность введения такой нормы в уголовное законодательство страны), с другой стороны, делалась ссылка на введение таких норм в соответствии с конституционными процедурами государства (таким образом, были учтены возражения США)».

Третье предложение, которое, можно сказать, было отвергнуто комитетом, касалось включения в проект конвенции отдельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за пропаганду геноцида. Принципиальное несогласие с таким положением, которое СССР предлагал закрепить в рамках ст. III конвенции, выразили делегаты США, Франции, Ливана и Венесуэлы. Так, американский представитель категорично заявил: «Соединенные Штаты считают, что статья III (устанавливающая наказуемость за пропаганду геноцида) должна быть исключена», так как «согласно англо-американским правовым нормам свобода слова не может быть ограничена, если не имеется ясной и непосредственной опасности, что выраженная мысль может явиться нарушением прав других». Одновременно указывалось им на то, что поскольку в проекте конвенции уже есть норма, «предусматривающая ответственность за подстрекательство к геноциду, нет необходимости вводить пункт о наказуемости пропаганды геноцида».

Государства-члены ООН также не смогли прийти к консенсусу в вопросе территориальной сферы действия конвенции, которую предлагалось закрепить в рамках ст. XII. Представитель Украинской ССР внес предложение о необходимости предусмотреть в проекте конвенции статью, налагающей обязательство на государства-метрополии, имеющие еще колонии, распространить ее действия и на эти зависимые территории. Делегат от СССР вынес на рассмотрение комитета свой вариант формулировки данной статьи: «Действие настоящей Конвенции распространяется в равной степени как на территории, в отношении которых данное государство осуществляет функции руководящей и управляющей власти (в том числе и на подопечные и другие самоуправляющиеся территории)». Иные государства социалистического лагеря аргументировали собственные позиции со ссылкой на ст. 73 главы XI Устава ООН, специально

выделенной как «Декларация в отношении самоуправляющихся территорий». В соответствии с этой статьей «Члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и как священный долг принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности...» [14, с. 24-25]. Такой юридический обязательный характер приведенной нормы, однако, всячески пытались игнорировать западные государства. Показательным в этом отношении представляется выступление делегата Великобритании, который заявил, что «его страна не распространит действие Конвенции на территории, которые она представляет во внешнеполитических отношениях, одновременно с подписанием Конвенции, т.к. это означало бы грубое вмешательство метрополии в деятельность органов местного самоуправления ряда таких территорий». Им также «было высказано предложение о распространении Конвенции на зависимые территории только в случае, если об этом специально заявит сама колониальная держава». В итоге так и случилось: наибольшую поддержку получила совместно выраженная позиция капиталистических государств и, как следствие, статья XII конвенции была изложена в следующей редакции: «Любая из договаривающихся сторон может в любое время путем извещения Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций распространить применение настоящей Конвенции на все или некоторые территории, за ведение внешних отношений которых она ответственна». СССР, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Чехословакия, в свою очередь, в меньшинстве не согласились с нормой такого содержания и воспользуясь своими правами сделали соответствующие оговорки. В частности, СССР при подписании Конвенции 16 декабря 1949 г. официально заявил следующее: «Союз Советских Социалистических Республик заявляет свое несогласие со статьей XII Конвенции и считает, все положения Конвенции должны распространяться на самоуправляющиеся территории, включая подопечные», которые, как и это предусмотрено в Уставе ООН, должны находиться под мандатом Секретариата организации.

Таким образом, накануне принятия проекта конвенции о борьбе с геноцидом на одной из

сессий Генеральной Ассамблеи ООН не были приняты членами подготовительного Комитета следующие Советские предложения: о признании в качестве отдельной формы национально-культурного геноцида; о инкорпорации положения, предусматривающего непосредственную, причинно-следственную связь геноцида с фашизмом и другими проявлениями расистских теорий; о закреплении требования относительно установления уголовной ответственности за пропаганду геноцида. Но тем не менее при рассмотрении других оставшихся положений советского проекта комитетом были полностью или частично учтены важнейшие из них. А.Н. Трайнин в этой связи отмечал, что, во-первых, «Комитет единогласно принял советское предложение о том, что понятие физического уничтожения должно охватывать не только случаи прямого убийства отдельных групп населения по расовым и национальным (религиозным) мотивам, но и предумышленное установление для этих групп таких условий жизни, которые были бы направлены на уничтожение этой части населения»; во-вторых, «единогласно было принято советское предложение о том, чтобы в конвенции были предусмотрены как преступления: а) попытка совершения геноцида; б) такие подготовительные к нему действия, как изучение техники геноцида, производство установок и т.п. для его совершения, инструкции, приказы, поручения, распределение заданий с целью совершения преступлений геноцида»; и, в-третьих, «было принято также решение о том, что должны быть наказуемы преднамеренное участие в геноциде, публичное подстрекательство к его совершению, а также сообщество или иные формы сговора в целях совершения геноцида».

Конвенция предусматривала особый порядок ее вступления в юридическую силу: на основании ст. XI она была открыта «для подписания до 31 декабря 1949 года от имени любого члена Организации Объединенных Наций и любого не состоящего членом Организации государства, получившего приглашение Генеральной Ассамблеи подписать Конвенцию» [15, с. 100]. Согласно этой же статье она подлежала ратификации, и начиная с 1 января 1950 года к ней мог присоединиться любой член ООН и любой нечлен этой организации, получивший выше обозначенное приглашение.

СССР, Белорусская ССР и Украинская ССР подписали Конвенцию 16 декабря 1949 г. Советский Союз окончательно утвердил ее в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета

СССР от 18 марта 1954 г., текст которого был опубликован в Ведомостях этого вышестоящего коллегиального органа (№12, ст. 244). Конвенция была введена в действие 12 января 1951 г., после того как ее ратифицировали более 20 государств, а для СССР – с 1 августа 1954 г. с оговорками, сделанными им при ее подписании. За исключением уже отмеченной оговорки, связанной со ст. XII, СССР сочел первым заявить свою официальную позицию и относительно ст. IX конвенции. Она гласила: «Советский Союз считает для себя необязательными положения статьи IX, предусматривающей, что споры между договаривающимися сторонами по вопросам толкования, применения или выполнения настоящей конвенции передаются на рассмотрение Международного суда по требованию любой из сторон в споре, и заявляет, что в отношении подсудности Международному суду споров по толкованию, применению или выполнению конвенции Советский Союз будет придерживаться, как он это делал и до сего времени, такой позиции, согласно которой для передачи того или иного спора на разрешение Международного суда необходимо в каждом отдельном случае согласие всех спорящих сторон». Как писали советские ученые, опыт работы Международного суда, на решениях которого нередко сказывалось давление стран Запада, делал эту оговорку необходимой. Впоследствии, спустя тридцать пять лет в связи с началом в СССР политики «перестройки» и «нового политического мышления», Советский Союз снял оговорку о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН. Оно было осуществлено на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1989 г. №10125-XI «О снятии сделанных ранее оговорок СССР о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН по спорам о толковании и применении рая международных договоров» [16].

Как было предусмотрено в рамках ст. XIV, Конвенция имеет срочный характер: она «действительна в течение десяти лет, начиная со дня вступления в силу» и «остаётся в силе на последующие пятилетия в отношении тех Договаривающихся сторон, которые не денонсируют ее по меньшей мере за шесть месяцев до истечения соответствующего срока ее действия». Согласно ст. XV, «если в результате денонсации число участников... Конвенции станет менее шестнадцати, Конвенция прекращает свое действие в день вступления в силу последней денонсации». Следует, однако, отметить, что до сих пор ни од-

но государство-участник не выражало своего намерения выйти из Конвенции.

Важно то, что после вступления Конвенции в силу, ряд государств, участвовавших в ее разработке, а именно США, Великобритания и ЮАР, стали заявлять о своей незаинтересованности в ее необходимости, что выглядело не только странным и непонятным, но и противоречивым и одновременно неуважительным по отношению к другим государствам-членам подготовительного Комитета. Так, озвучивая нежелание принимать на себя обязательства по Конвенции, «председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уайли в мае 1954 г. заявил, что Соединенные Штаты не собираются ратифицировать Конвенцию ООН о геноциде», и вслед за ним «помощник государственного секретаря США Мортон отметил, что положения Конвенции о геноциде не связывают Соединенные Штаты» и «никоим образом не ограничивают и не затрагивают права и свободы американских граждан» [17, с. 17].

Одно из очевидно объективных объяснений подобного поведения в международных делах со стороны вышеназванных государств заключалось в том, что ситуация в них «на тот момент во многом объясняла такую политику в отношении Конвенции». Если на территории США в больших масштабах существовали ограничения и ущемления в правах чернокожего населения и в связи с которыми, в частности, «в 1951 г. Конгрессом борьбы за гражданские права в ООН была подана петиция, в которой правительство США обвинялась в геноциде», то «в ЮАР острее стояла проблема дискриминации цветного населения». В петиции указанного Конгресса утверждалось, что «негры – граждане Соединенных Штатов, угнетаемые и подвергаемые сегрегации и дискриминации, а также в течение длительного времени являющиеся объектом насилия, страдают от геноцида как результата последовательной, сознательной и согласованной политики всех органов правительства». Подтверждалось это во многом тем, что, например, как писал М. Конвиц, что в 21 штате негры обязаны были селиться отдельно от белых; во многих штатах для негров были отведены особые места в барах, театрах, цирках [18, р. 135]. Проводимая официально политика в африканском государстве «привела к тому, что в 1962 г. ООН призвала всех своих членов порвать дипломатические отношения с ЮАР, закрыть порты и аэродромы для южноафриканских судов и самолетов, бойкотировать торговлю и в первую очередь не поставлять оружия в ЮАР, а в 1966 г. Генеральная

Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой обвинила власти ЮАР в политике апартеида».

Тем не менее даже отказываясь от участия в Конвенции, ни одно государство не смогло бы избежать ответственности за совершение преступления геноцида, поскольку в принятом 28 мая 1951 г. Консультативном заключении Международного Суда ООН под названием «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него» указывалось, что принципы Конвенции являются обязательными даже для государств, не присоединившихся к ней». «Это означало, во-первых, что принципы, лежащие в основе Конвенции, являются принципами, признанными цивилизованными народами в качестве обязательных для государств, даже без каких-либо договорных обязательств; а во-вторых, это означало универсальный характер как осуждения геноцида, так и сотрудничества в борьбе против этого преступления». Отсюда следует, что «с принятием этого Консультативного заключения началось формирование обязательств *erga omnes*, которые были введены в оборот решением по делу *Barcelona Traction*». Международный суд по этому делу указал, что «...должна быть проведена существенная разница между обязательствами государств по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами государств, которые возникают в отношении другого государства в рамках дипломатической защиты. По своей природе первые затрагивают все государства. В силу важности вытекающих из них прав все государства могут считаться имеющими юридический интерес в их защите; обязательства, о которых идет речь, представляют собой обязательства *erga omnes*. Эти обязательства вытекают в современном международном праве, например, из запрещения актов агрессии, геноцида...» [19, с. 51]. В дальнейшем еще раз Международным Судом было обращено внимание мирового сообщества на то, что обязательства по Конвенции 1948 г. действительно «являются обязательствами *erga omnes* (лат. «имеющие отношение ко всем, касающиеся всех»)» и, здесь же, как пишет Н.А. Сафаров, было особо подчеркнуто, что «обязательство каждого государства по предупреждению и наказанию геноцида не имеет территориального ограничения по Конвенции».

Наверняка, принимая во внимание все эти аргументы, изложенные в качестве юридического обоснования в Консультативном заключении Международного Суда ООН, а также анализируя последующую международно-правовую практи-

ку в области защиты прав и основных свобод человека и, что немаловажно отметить, чтобы не подорвать свою внешнеполитическую репутацию, США впоследствии изменили позицию в отношении уже действующей Конвенции 1948 г. Свидетельством к сказанному является тот факт, что 5 ноября 1988 г. тогдашний Президент США Р. Рейган подписал акт о присоединении своей страны к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Как и следовало ожидать, такое решение имело не только сторонников, но и яростных противников. Последние со всей серьезностью утверждали, что «Конвенция посягает на государственный суверенитет Соединенных Штатов». В числе одних из главных сторонников участия США в Конвенции «был сенатор от штата Висконсин Уильям Проксмайр, который с 1968 по 1987 годы произнёс в Конгрессе более 3000 речей в ее защиту». Не остались безучастными и Великобритания, и ЮАР, которые тоже присоединились к Конвенции в качестве участников, соблюдающих ее положения.

В целом период после вступления Конвенции в силу, а именно 1950-1987 годы, охватываемые идеологическим и конфронтационным по сути понятием «холодная война», характеризовался серьезными преступлениями против гражданского населения во многих регионах планеты (это события Франции, США) во Вьетнаме, зверства, совершенные «красными кхмерами» – режимом генерала Пол Пота в Камбодже и т.д.). Кроме того, нужно отметить то, что так или иначе случаи геноцида практически игнорировались и государствами, подписавшими Конвенцию и соответственно принявшими на себя обязательства предотвращать подобные международные преступления и наказывать за них.

Обобщая содержание всего вышеизложенного в рамках данной статьи, можно прежде всего говорить о том, что в целом весь запланированный процесс разработки, обсуждения, принятия и введения в юридическое действие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него завершился. Международное сообщество в лице как государств-членов, так и государств-нечленов ООН пришло к единодушному мнению в понимании состава геноцида и признании его как серьезно, бесчеловечного преступления, преследуемого международным правом. «Несмотря на некоторые отличия изначального понятия геноцида, данного отцом-основателем этого термина, от окончательного варианта определения, ...государства оказались едины во мнении о необходимости борьбы с этим бесчеловечным преступлением и защиты населения планеты от подобных деяний». Принципиально важным при этом является то, что сам «геноцид» окончательно формировался как юридическая категория именно в Конвенции 1948 г., что, следовательно, еще раз подтверждает объективную необходимость борьбы с ним и применения соответствующих уголовно-правовых мер ответственности в контексте формирования и дальнейшего развития универсальной юрисдикционной системы. Не менее важное значение при определении международно-правовой природы геноцида как преступного и наказуемого деяния имеет более того обстоятельство, что «Конвенция ... 1948 года, так же как и все остальные действующие универсальные международно-правовые акты в области защиты прав и свобод человека, должна рассматриваться не только в качестве источника международного уголовного права, но и в качестве основного договорного источника международного гуманитарного права».

Литература

- 1 В 2010-2011 гг. Россия в лице Президента В.В. Путина официально принесла извинения Польше за «Катынскую трагедию» 1940 г., признав тем самым факт убийств польских офицеров Сталинским режимом.
- 2 Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия – М.: Книжный мир, 2010. – С. 509.
- 3 Действующее международное право: учебное пособие. Документы в 2-х т. Т. 1 / составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Международные отношения, Юрайт – Издат, 2007. – С. 12. (768 с.).
- 4 Андрухин М. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 34.
- 5 Сборник международных договоров. Универсальные договоры ООН. В 2-х томах. Т.1. т.2 – Нью-Йорк, 1994. – С. 140.
- 6 Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. – М.: Наука, 1967. – С. 266.
- 7 Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Издательство ООН, 1989. – 474 с.
- 8 Курманов А.Н. Преступления против мира и безопасности человечества (по законодательству Кыргызской Республики). – Бишкек: ИД «Наука и образование», 2002. – С. 33 (191 с.).
- 9 Радойнов П. Конвенция против геноцида // Проблемы международного права. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – С. 160.

- 10 Проект конвенции вместе с пояснительными замечаниями, подготовленной Секретариатом, был разослан государствам-членам ООН как документ E/447.Sm.: Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / под ред. Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – С. 415.
- 11 Панкратова Е.Д. Уголовно-правовая характеристика геноцида. дисс.канд.юрид.наук. – М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2010. – С. 20 (200 с.).
- 12 Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / под ред. Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – С. 418, 419.
- 13 United Nations. General Assembly. Third Session. Official Records. Part I, 1948. – P. 813.
- 14 Действующее международное право. В 3-х томах / сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Т.1. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. – С. 24, 25. (864 с.).
- 15 Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С.100. (672 с.)
- 16 Ведомости Верховного Совета СССР. – 1989. – №11 – G.79
- 17 Сотников И. Теория и практика геноцида // Новые время. – 1954.– №23. – С.17.
- 18 Konvitz M. The Constitution and Civil Rights. Columbia University Press. – New York, 1947. – P. 133.
- 19 Сафаров Н.А. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда и уголовное законодательство стран Содружества Независимых государств (сравнительный анализ) // Государство и право. – 2004. – №7. – С. 51.

References

- 1 V 2010-2011 gg. Rossiya v lice Prezidenta V.V. Putina oficial'no prinesla izvinenija Pol'she za «Katynskuju tragediju» 1940 g., priznav tem samym fakt ubijstv pol'skih oficerov Stalinskim rezhimom.
- 2 Barihin A.B. Bol'shaja juridicheskaja jenciklopedija – М.: Knizhnyj mir, 2010. –S. 509.
- 3 Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo: uchebnoe posobie. Dokumenty v 2-h t. T. 1 / sostaviteli Ju.M. Kolosov, Je.S. Krivchikova. – М.: Mezhdunarodnye otnoshenija, Jurajt – Izdat, 2007. – S. 12. (768 s.).
- 4 Andrjuhin M. Genocid – tjagchajshee prestuplenie protiv chelovechestva. – М.: Gosjurizdat, 1961. – S. 34.
- 5 Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov. Universal'nye dogovory OON. V 2-h tomah. T.1. t.2 – N'ju-Jork, 1994. – S. 140.
- 6 Romashkin P.S. Prestuplenija protiv mira i chelovechestva. – М.: Nauka, 1967. – S. 266.
- 7 Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov. – N'ju-Jork: Izdatel'stvo OON, 1989. – 474 s.
- 8 Kurmanov A.N. Prestuplenija protiv mira i bezopasnosti chelovechestva (po zakonodatel'stvu Kyrgyzskoj Respubliki). – Bishkek: ID «Nauka i obrazovanie», 2002. – S. 33. (191 s.).
- 9 Radojnov P. Konvencija protiv genocida // Problemy mezhdunarodnogo prava. – М.: Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1961. – S. 160.
- 10 Proekt konvencii vmeste s pojasnitel'nymi zamechanijami, podgotovlennoj Sekretariatom, byl razoslan gosudarstvam-chlenam OON kak dokument E/447.Sm.: Trajnin A.N. Izbrannye proizvedenija. Zashhita mira i ugovolnyj zakon / pod red. R.A. Rudenko. – М.: Nauka, 1969. – S. 415.
- 11 Pankratova E.D. Ugolovno-pravovaja harakteristika genocida. diss.kand.jurid.nauk. – М.: MGJuA imeni O.E. Kutafina, 2010. – S. 20 (200 s.).
- 12 Trajnin A.N. Izbrannye proizvedenija. Zashhita mira i ugovolnyj zakon / pod red. R.A. Rudenko. – М.: Nauka, 1969. – S. 418, 419.
- 13 United Nations. General Assembly. Third Session. Official Records. Part I, 1948. – P. 813.
- 14 Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo. V 3-h tomah / sost. Ju.M. Kolosov i Je.S. Krivchikova. T.1. – М.: Izdatel'stvo Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava, 1996. – S. 24, 25. (864 s.).
- 15 Mezhdunarodnaja zashhita prav i svobod cheloveka: Sbornik dokumentov. – М.: Juridicheskaja literatura, 1990. – S.100. (672 s.)
- 16 Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. – 1989. – №11 – G.79
- 17 Sotnikov I. Teorija i praktika genocida // Novye vremja. – 1954.– №23. – S.17.
- 18 Konvitz M. The Constitution and Civil Rights. Columbia University Press. – New York, 1947. – R. 133.
- 19 Safarov N.A. Prestuplenija, podpadajushhie pod jurisdikciju Mezhdunarodnogo ugovolnogo suda i ugovolnoe zakonodatel'stvo stran Sodruzhestva Nezavisimyh gosudarstv (sravnitel'nyj analiz) // Gosudarstvo i pravo. – 2004. – №7. – S. 51.